

ПАСХА

После утрени то задрёмывала, то ела,
И рвалось орудовать без меня
Семь недель навёрстывающее тело
От начала Светлого Дня.

Нет нужды ни в чём, и мой стол обилен,
И обычай твёрд и на твердь опёрт.

А внутри ещё не умолк светилен
Об уснувшем плотию, «яко мёртв».

И, вися на тонком противовесе,
Вылезая вон из истлевших кож,
Сколько раз объявишь: «Христос Воскресе!»,
Столько раз от смерти себя спасёшь.

Пасха ранняя нынче, и сад безлиственный...
Столько раз в смятенье отступят беси,
Сколько раз ответишь себе:
«Воистину Воскресе!»

ТАКСИСТ

На Павелецкой яма в маске сварщицкой.
Мухлюет шеф с парковочной карточкой.

А мне б домой, мне что в таксёрской совести –
Я не сомкнула глаз в тамбовском поезде.

Я тело прежнее своё искала – где оно?
Меня душили воспоминаний демоны.

Но шеф мне впаривает сказку Баума,
Как бампер в бампер проезжать шлагбаумы,

Как номера шуруповёртом скручивать.
Замаются они, мол, нас прищучивать.

В умат ночью сменой умученный,
Он сам похож на чёрный номер скрученный

С заклеенной бумажкой крайней циферкой,
С копеечную жалкой вечной выверкой.

В одном котле нас кипятили-бучили,
Так разварили в студень, так прищучили,

Так развели – до нутряного прорыга...
А он всё верит, что обманет ворога!

ПРИТРАВКА

Над притравочной станцией солнце встаёт...
Раньше всех просыпается мёртвый енот.
Отряхая кровавую жижу,
Констатирует он: «Ненавижу!»

Вслед за ним пробуждается мёртвый медведь,
Порционно порублен, разделан под снесь,
Пакетирован, сложен на ледник,
В разблюдовку внесён не в последних.

А собаки добычные дрыхнут пока,
Воздымая и всасывая бока.
Пегих гончих залиvistы стайки,
И нестомчивы рыжие лайки.

Их натаскивают на цепную лису,
Чтоб в сезон промысловый в засечном лесу
Не помяли козявки и травки.
Как нагонишь гонца без притравки?

Позже прочих прокинется Мил-Человек,
Он потычет в хай-тек, растолкает ковчег
И во лбу поскребёт одноперстем,
Ротовым выдыхая отверстием.

Кто из нас тот медведь, тот барсук и енот?
Над притравочной станцией солнце встаёт...
Это всё аллегии, басни –
Чем двусмысленней, тем безопасней.

А и спал-почивал бы ты, Мил-Человек.
Поднят хай, стоумовый погашен хай-тек,
Но расчёт траектории точен,
И шматок человечины сочен.

ПЬЯНЫЙ

Зыбом идёшь, зыбом
По леденям, глыбам,
Яминам и ухабам
Хлябом скользишь, хлябом.

Словно из сна в кому,
Выныришь – и впадаешь.
А далеко ль до дому?
Сразу не угадаешь.

За Куликовым полем?
Падающим рейхстагом?

Брассом плывёшь, кролем,
Танговым тянешь шагом.

Раком гребёшь, рыбом
Чвакаешь по намывам.
Зыбом идёшь, зыбом,
Дрыгающим извивом.

Кто твой отец крёстный?
На тебе день постный,
На тебе рупь, что ли.
Дай тебе Бог доли!

Но не ищи света
В сердце кровавом волка.
Моченьки нет?
– Нету!
Водка спасёт, водка.

Цвелью и ржой рябый,
Дом твой под шар-бабой
Крошится – и не вякни.
Как добредёшь, звякни.

АРИНА РОДИОНОВНА

Кто дал бы нам на бедность ссуду,
Кто правил бы придворный бал,
Не прикупи деревню Суйду
Абрам Петрович Ганнибал?

Жена его грешила поркой,
Но няньку – няньку не замай,

Будь та чухонкой иль ижоркой,
Иль в пращурах у ней Мамай.

Как повезло во время оно
И в остальные времена
Аришке, дочке Родивона,
За квартиронкой квартирона
Вспоить, чтоб ей налил вина –

Нет, налил в сысканную кружку,
А нет вина, так полугар,
Чтоб в печке русской кладки вьюшку
Закрыли в срок – не то угар.

И чем бы нам занять, раззявам,
Свой праздный мозг, когда б она
К земле безгласной – не к хозявам
Осталась вдруг прикреплена
И продана – иль продана
Без своего веретена?